

СМЕНА

12

1949

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Много славных дат значится в истории Ленинско-Сталинского комсомола, и одна из наиболее знаменательных и памятных среди них — июнь 1919 года. В эти дни в Киеве состоялся Первый съезд комсомольских организаций Украинской Советской Республики, положивший начало Коммунистическому союзу молодёжи Украины.

В трудовых временах рождался украинский комсомол. Молодая республика пылала в огне гражданской войны. Молодёжь, вступавшая в ряды комсомола, бралась в руки оружие и под знамёнами большевистской партии беззаветно шла на бой против многочисленных врагов социалистической Родины. «Вместе с комсомольским флагом!» — писал Николай Острожский: «мы получали Родину, защищая её».

В революционном битве закалялось молодое поколение. Никогда не будут забыты бессмертные подвиги героев Тропильи, юных подпольщиков Одессы, николаевских комсомольцев, харьковских коммунаров. Ни зверские репресии, ни кровавый террор не смогли сломить боевого духа молодых революционеров. Каждая свечка рождала новых участников...

Так же честно и самоотверженно, как во время гражданской войны, служил комсомол Украины своей Родине, большевистской партии и в годы мирного строительства. Комсомолы, молодые рабочие, пришли на самые трудные и ответственные участки народного хозяйства.

К скончавшемуся десятилетию украинский комсомол получил приветствие от товарища Сталина.

«Испытанному в боях гражданской войны» — писал товарищ Сталин — «с успехом разбирающему социалистическое соревнование и активно участвующему в строительстве украинской социалистической культуры, Ленинскому комсомолу Украины ко дню его десятилетия — горячий привет».

Десятки и сотни тысяч юношей и девушек участвовали в восстановлении Днепровской бассейна, в создании таких гигантов социалистической инфраструктуры, как ДнепроГЭС, ДнепроТЭС, станции, Харьковский тракторный завод «Запорожсталь». За трудовой геройски комсомольские организации Днепростроя и ДнепроТЭС были награждены орденами Ленина. Комсомол Украины воспитал целую плеяду талантливых организаторов, новаторов, передовиков производства — выдающихся деятелей нашего государства. Академик и писатель Александр Кондряйчук, знаменитый столяр Макар Мазай, Герой Социалистического Труда машинист Петр Криконос и трактористка Паша Ангелина — все они — представители украинской комсомольской организации. Самым суровым испытанием для комсомола Украины, как и для всего советского народа, была Великая Отечественная

ТРИДЦАТИЛЕТИЕ КОМСОМОЛА УКРАИНЫ

война 1941—1945 годов. И этот экзамен молодёжи Украины выдержала с честью. Десятки тысяч комсомольцев и комсомолок за боевые подвиги на фронте и в тылу врага награждены орденами и медалями. Летчицы-герои братья Глинки и Любовь Земская, Герон Советский, Сорокин, Борисенко, Мария Шербаченко, подпольщики Краснодара и партизаны-комсомольцы — вот кого воспитал и вырастил комсомол города-героя Одессы. Ордена Красного Знамени удостоился и комсомол города-героя Днепропетровска.

Окончилась война, и вновь забурлила творческая, созидательная жизнь на опалённой украинской земле. Колоссятся безбрежные колхозные нивы, беспрерывным потоком идёт на город донецкий уголь, посыпается из руки корпуса возрождённых заводов. Таких же якорей тяготелось на плечах молодёжи всей Украины, и в этом начали долгий, заслуживающий славы, путь молодёжи. Свыше 200 тысяч юношей и девушек направили комсомол УССР на восстановление Донбасса, 15 тысяч человек — на воспроизводство ДнепроГЭСа. Всего по путёвкам комсомола на стройки предприятия республики пришло более полумиллиона молодых людей.

Во всенародной борьбе за сокращение сроков выполнения поставленной партийной пятилетки Ленинский коммунистический сектор молодёжи Украины, сохраняя связи с традициями, неизменённые надолго, поднял флаг Встречи. XI съезд комсомола — 150 тысяч молодых рабочих Украинской республики досрочно выполнили свою 4-летнюю производственную заданию. Свыше 35 тысяч молодых тружеников завершили программу пятилетки. Свыше 80 комсомольцев и комсомолок удостоены звания Героя Социалистического Труда. На весь Советский Союз прославились передовики послевоенной сталинской пятилетки шахтёры Николай Лукич и Анатолий Кривошин, бригадир горняков Надежда Георгиева, машинист Федор Котыло, звеньевая Елена Гопкало, Герой Социалистического Труда звеньевая Мария Фёстова и десятки их товарищей.

26 июня 1949 года Ленинский комсомол Украины, насыщавший юных 1250 тысяч юношей и девушек, празднует свой тридцатипятилетие. Подготовка к знаменательному юбилею вызвала среди молодёжи всей республики новую мощную волну трудового энтузиазма. В честь праздника молодые патриоты готовят тысячи и тысячи новых производственных подарков своей любимой матери-Родине.

Многомиллионный Ленинско-Сталинский комсомол шлёт сегодня свой горячий привет одному из своих самых передовых и крупных отрядов — славному комсомолу Украины.

После экзаменов...

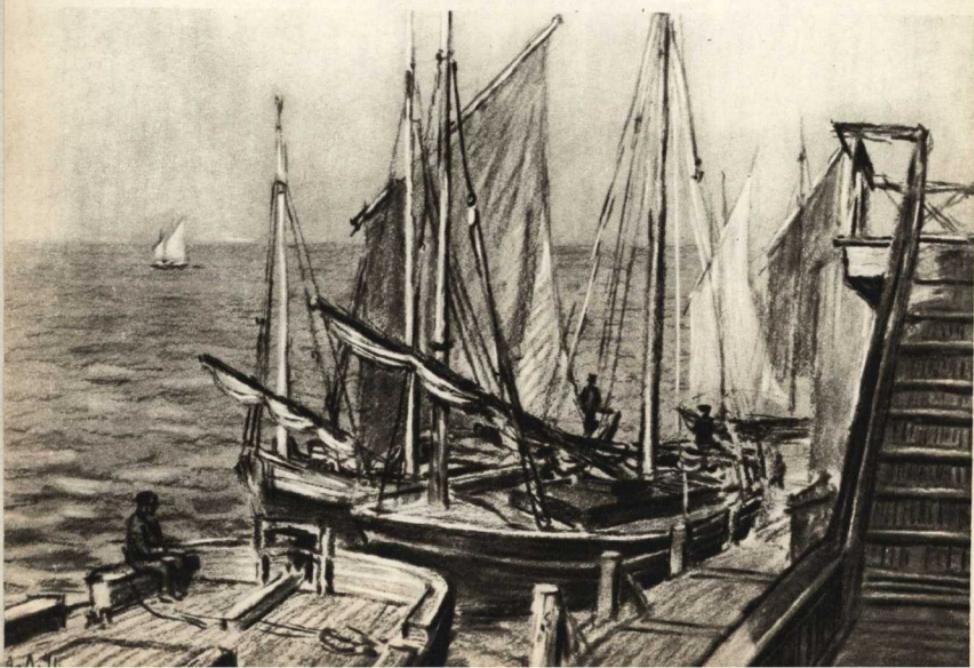
Фото студентов Всесоюзного государственного института
кинематографии Л. Островского и В. Рыклина

Дубовая Роща

Рисунки А. Лаптева

На Каспии

Петр ЧЕБАЛИН

БОЛЬШОЙ ДОРОГОЙ

Рассказ

Заходило солице, когда врубмашинист Трофим Загоруйко возвращался из шахты к себе домой. Здесь, в родном посёлке, утопающем в зелени садов, этот предвечерний час с его неумолкающей жизнью и золотом закатного солнца был как-то особенным, и всё в нём привнесло азарт.

Даминныеalousые тени от домов и деревьев ложились через дорогу, медленно, почти незаметно для глаза падали по стена姆 и крышиам проходившим волнам вторгались в города, сбивая с толку цветущие подсолнухи; расщепленные, они, казалось, не знали куда им смотреть и где теперь сидеть. От постепенно тянуло крепким смычком, гонимой, глиной и известью. Развивалась стужа топоров, звук пильных доложился голоса людей.

Приступивши к небольшому за всем этим, Загоруйко всякий раз испытывал чувство привычной симпатии и удивления.

Теперь же будто не замечая ничего вокруг, он спокойно обогнал щиты историев и вилу у него было сабаченный и ветровозный. Подошла к своему дворнику, он прямо через зорьковую шлагу в него и направилась к крылечку. Прежде этого с ним никогда ни случалось. Возвращаясь из работы, прежде он всякий раз деловито обходил весь свой двор, по-хозяйски внимательно приглядываясь ко всему, вырываясь с грядок замеченному им сорну трапезнику и загадливому в саже, где отварнялись кабачки. И только когда убедился, что всё на своём месте, довольный входил в дом.

Накрывая на стол, жена Трофима Агафья, темноглазая, с проницательными и змеисте с тем плывущими движениями, время от времени скрадывала и вмеждурально поглядывала на мужа. Он знал, что она хотела с ним поговорить о хлопковой, как и всегда, но что-то мешало ей.

— Не приходи Степана? — спросила Трофим.

В ответ Агафья усмехнулась уголком губ и, немного помедлив, отозвалась с насмешкой в голосе:

— И чего бы ему появляться! С такой большой славой он будет к тебе за пять вёрст ходить? Очень это ему нужно!

Чувствуя, как в нём всё больше поднимается глухое раздражение Трофим, что бы это ни было, это было страшно. Купил бочку за ложки, торопливо, жадно, пока не опорожнила дощичка вся тарелку. Закончив еду, поднялся и, не глядя на жену, будто во всём, что случилось, была виновата только она, сказала:

— В случае, если крекко усну, на расвете разбудишь.

И, не дожидаясь ответа, видимо, совершившийся нужен, сидя у нём, он тяжело, так, что половина штаны висела у него под ногами, поспал в спальне.

Лёгвшись на диван, Трофим старался ни о чём не думать. Он смотрел на ходики, висевшие на стелее прямо перед его глазами.

Несколько лет он работал вместе со Степаном Клочко. Тогда был старательный и честный, а сейчас, спустя долгие годы, выродился в фантаста. Степан работал у Загоруйко помощником, и Трофим помнил, как часто он бывал у него дома, до всего допытываясь, жадно вникая в каждое его слово. Было похоже, что в жизни его ничего не интересовало, как врубомашинистом и был доволен привлеканием и сопротивляемостью своего начальника. Но Трофим Клочко умел работать на солидные шахты. Случалось, это прошлым летом. В то время шахта имени Сталлина только что была пущена, и нужда во врубмашинистах там была особенно ощущима. Но не только это влако Степана к соседям, а и другое: там ему давно уже приглаждалась какая-то дичинка. Загоруйко знал об этом и был, както неясно, уговоривший первыми уходить к соседям. Узнав о его намерении, он не рассердился, а только сказал в напутстве:

— Трудись на славу, Степан. А жажди труда доведётся или что другое, заходит будь всякого. Двери моего дома для тебя всегда настежь.

Лицо Степана от этих слов загорелося

смущением и радостью. Он горячо сжал руку своему наставнику, долго не выпускал её, словно хотел вобрать в себя всю её ласковую теплоту. И Трофиму Васильевичу сразу стало ясно: такой не забудет. Всё это было ясно.

С той поры прошло немало времени. Встречи со своим учеником у Загоруйко были не особенно часты. Но когда они случались, Трофим Васильевич всегда был необычайно рад им и подолгу не отпускал, от себя Степана. Поговорить о чём им всегда находилось. Клочко работал не хуже, а, пожалуй, лучше, чем его бывший учитель. Трофим Васильевич звал также жену на шахте не уступал пермскому. Его портрет постоянно красовался на доске почётка, и к этому все уже так привыкли, что случись, что его вдруг не стало, — доска показалась бы незаполненной, и люди непременно было бы встревожены этим обстоятельством.

Однако в последние времена встречи со Степаном становились всё реже и вскоре совершенно прекратились. Трофим Загоруйко знал, что его бывший ученик по прежнему работал хорошо. О нём даже иногда писали в газетах. Это и радовало и немножко успокаивало. В конце концов в этом было главное, а не в том, что Степан стал забывать о нём и избегать встреч с ним. Да и в самом ли деле избегал Альжир, просто знал. К тому же быть от него и в Загоруйко не из баники — сколько километров. Каждый день не находишься.

Но в эти дни обида на Степана проснулась в нём с новой силой. Вот уже не сколько дней на шахте только было разговора о рекордной добыче врубмашиниста Клочко. Она превзошла все предыдущие залежи. Добился и до войны и теперь. Недавно Степан повторил свой рекорд. Надеялся, надёжно закрепившись на нём. Ни у кого уже не вызывала сомнений, что Клочко напёр в своей работе что-то новое и очень ценное, чего не мог разгадать сразу даже такой великолепный мастер врубовки, как Загоруйко. Каждый считал своим долгом тепло поздравлять

Трофима Васильевича с таким талантливым воспитанником, каким оказалась Ключко. Трофим Васильевич действительно был полюс восторженной гордости и за себя и за Степана, но, решив, что тот забыл о нём, о его заботах и ни с кем не желает делиться своим успехом, Загоруйко в то же время не мог не испытывать доли чувства. Но оно немножко злило в нём. Он и сам это знал. Случилось, что Степан пришёл бы к нему вчера или сегодня, Трофим Васильевич, пожалуй бы, и не вспомнил о своей обиде, да волею судьбы, восторженном горделивому чувству. Но Степан не появился и сегодня, и Загоруйко окончательно решил, что на-правно ждёт его, Ключко, видимо, вправду не хотел встречаться со своим бывшим учителем.

Утро только что наступило. Дорожная пыль была прибита росой.

Загоруйко широко шагал и вскоре вышел из посёлка. Свежий степной ветерок пахнул в лицо. Где-то в затуманенной дали, протянувшись и сердито кричал, паровоз, пробурив дымом небо.

Трофим Васильевич пересёк нетубокий овражек и выбрался на ровный, хорошо укатанный путь. Взошло солнце и залало всё вокруг греческим светом. Далеко впереди темперы можно было разглядеть вершины террикона шахты имени Сталина и даже то, как маленькая покоящая на тёмного яруса вагонетка зебрилась по его склону.

Ключко, аст ляг, назвал эту же дорожку после долгой раздумки Загоруйко возвращаясь с фронта к себе на шахту. Вспомнил об этом, он невольно остановился и посмотрел вокруг. Казалось, он хотел, как и в то время, запомнить всё: и эту степь с тонкими зашаками степных трав, и неслубокие балочки, в которых в этот утренний час, точно в больших чашках, дымилась прозрачная, бледная туман, и дающие контуры высоких терриконов.

Тогда ему не терпелось увидеть свою поездку, шахту, встретиться с родными людьми. Трофим лёг в себе горянцкое умение и ёщё не растрепанную силу, хорошо знал, что она нужна здесь, как возможно, никогда до войны. Быть может, сиюминутно, этот плавящий степные шахты, как-то особенно гордил его, а всё, что было, — проглатывал его сердце.

Теперь он шёл по этой же дороге набираться новых, смехих сил. Он знал, что как бы Степан ни старался скрыть главное в своей работе, от его, трофимова, взгляда, он не выйдет ничего не сумеет утаить. Да и станет ли он вообще скрывать что-либо? Загоруйко знал, что Степан знал об этом. Оно глохло знако: что неожиданный приход заслонит и может быть, даже очень, сильно ущемит совесть Степана. Что ж, он своим поступком заслужил это!

Солнце медленно зебрилось над горизонтом, рассеянная остатки зыбкого, всё щёг бодрившего по окраинам и боямкам тумана. Всё шире открывались необозримые дали.

Загоруйко прошёл почти половину пути, и за это время ему никто не встретился. Только однажды пронеслась легковая машина, оставив за собой от росы дорогу чёткие узорчатые следы, которые скользили за поворотом в бахке. Но вот спустя от дороги Трофим Васильевич увидел, как кто-то одинокий шагал наприжённом широком шагом. Подходя к перекрёстку, Загоруйко вдруг затормозила, на-меревшись обогнать незнакомого путника. Но тот неожиданно свернула в его сторону и зевнула рядом с ним.

— Какой путь держишь? — спросил он, ульяясь.

— На шахту, — без всякой охоты отозвалась Загоруйко.

— Ага... Ну и я туда же, — сказала спутница и умолк, видимо, решив, что попалась ему человек неразговорчивый и мало интересный.

Пока они шли, Загоруйко успел рассмотреть её. Её было трудно назвать красивой мушкуной: лицо пяти, с загорелым лицом и, повидимому, очень сильным и здоровым. Трофим казалось уже, что он где-то встречалась с ним. И по тому, как тот посмотрел в его сторону, было похоже, что он узнаёт Загоруйко, только не хочет признаться в этом.

— Да, добровол дядя затянул Ключко, — не смеялся Загоруйко, спутник. — Теперь к спальням позвал из сестр сторон, почтой гуси к калачевой воде...

Казалось, он говорил всё это не для Загоруйко, а для самого себя, задумчиво глядя перед собой. Но вот он как будто что-то вспомнил, обернулся к Трофиму, вспомнил остановившись и сказал удивлённо:

— Да ведь мы, кажется, ёщё и не знали! — и доверчиво прогнула руку. — Фёдор Рублёв, врубленинин шахты «Капиталъ».

Возможно, что и он шёл к Степану Ключко со опытом. Загоруйко назвал свою фамилию, но так будто не обратил на это внимания и продолжал говорить энергично, с увлечением. В короткое время он успел рассказать о многом. Было сказано и о том, что из Азии, и о том, сколько потребовалось для него Рублёва, терпения, пока он находился на кончине этого дня, чтобы склонить к Ключко.

— Мыслимое я дел, вот уже пять дней, как этот врубленинин дает рекорд, а мы только понимающим и знаем о нём!

Видимо, вошущий, он ёщё шире зашагал, но заметил, что спутница отстает, добродушно и вместе с тем виновато ульянулась и сказала:

Франтишкова привычка. Шаг у меня действительно сумасшедший. Из-за него иногда в походах в голове колонны не ходят. Никто утешаться не может.

Юрий ГОРДИЕНКО

ЗНАМЕНОСЦЫ

Сколько света в знамёнах!
Какие ульяны на лицах!
Дети демонстрантам
Руночками машут с крыльца...
Не малюсеньким щёлком
Пылают розетки в петлицах, —
Эти люди сегодня
На площадь выносят сердца.
Их, взорвав, город
Не тяжко в тёплых походах:
Он шумит и колышется
В зодие и куполах
Вот идет гармонь.
Вот у главной трибуны проходят
Коммунист-знаменосец
С точёными дреквом на плече.
Кто он?
Маршалы
За конвойной лентой потока,
Или в пай по тайге
Магистраты, стальной колено.
Я не знаю, он мастер,

Кузнецы, инженеры или токари,
Не одежду, не наряд —
Я поступь его узнаю.
Знаменосцы колонн,
Узнаю вашу чёткую поступь.
Сталевары, текстильщицы,
Пахари и горячие,
Как на ложе винтовок.
Спокойно, привычно и просто
Ваша крепкая рука.
Сегодня легли под дрекви.
Есть рука, что вчера
Над тисками напильников держала,
Есть рука, что вчера
Разливала шипящий чугун, —
Миллионами рук
Величавые в мире дреквы
Шли и заряжали
Поднимая красные трибуны.
И по праву гордятся
Высокой судьбой человека
Каждый город в Отечестве,

Загоруйко замята на его нее широкий синеватый ширм и с уважением подумал: «Волка. Возможно, на одном фронте вместе были...» И он сплыл подумал, что где-то встречал Рублёва. Хотел спросить у него об этом, но тут вдруг, глубоко вздохнув, сказал:

— Да фронт. Вот нет его, а дело наше все-таки боевое. Бой врубов, думаю я, может разрешить враждебных. Перенесённой опыт эти диковинки, члены которых надо его перенять. Свой-то ты, небось, тоже в кармане не держал, — ульянулся посмотрел он на своего спутника, — всем раздавал и меня учил. Между прочим, или забыла меня?

— Нет, теперь вспоминаю.

И Трофим Васильевич вспомнил, как, дёлалась он своим опытом с врубленининистами. На заседании рабочего комитета ему предложили побывать в Прионимской, как бывал он и на шахте «Капиталъ». Наверное, он действительном кое-кому обучил Рублёва... И вот только год эдак прошёл с тех пор, а теперь оба они, неудовлетворённые, вместе идут одной дорогой за новым, более совершенным.

Дорога неожиданно стала щёг более широкой. Правда, становились все круче, но она то извивалась, то снова навальнялась. Теперь же рабочий посыпал пахты имени Сталина виднеялся, как на ладони. Солнце давно вымыло утреннюю росу, но с огорода всё щёг тянуло свежестью.

Когда спустялся в балочку, где разместилась шахта, спутник видел заметы, как кто-то воинской формы шагал им навстречу. Трофим, конечно, знал, что это Рублёв, идущий. Потом он ускорил шаг и вскоре побежал тому на встречу. Рублёв был плюс, как они говорят, с зодиумом на плечах.

— Далеко путь держишь? —
— Да к тебе же, Трофим Васильевич! Всё недавно собирались. Ты уж меня извини. С тобой первым успехом поделиться хотела.

И они крепко обнялись.

Вот это фронтовая дружба! — подходит к нем, сказала Рублёв. — Крепче ей, пожалуй, и на систе нет.

— Производственная дружба тоже неплохая, — сказала ему Загоруйко. — Знакомься, вот он и есть — Степан Ключко.

Пожимая руку врубленинисту и вопросительно и весело глядя то на одного, то на другого, Ключко спросил:

— Так что, к тебе пойдём, Трофим Васильевич?

— Нет уж, извини, на этот раз пойдём к тебе. Твоя дорога, пожалуй, повиднее нашей стала, а учиться никогда не поздно.

Вокруг врубленинин шахты как шахте, на которой работает Степан Ключко. Дорогу заслонил чёрный чулок утреннее солнце. Шёлос становился все шире и шире и просторнее и было пожалуй, будто со всех сторон склонились к ней боковые дороги...

Степано.

Каждое сердце в груди:
Знаменосцы идут.
Знаменосцы двадцатого века,
Знаменосцы труда.
Коммунисты идут вперёд.
Узнаю эту поступь.
Шагов этих чёткость и мерность.
Не впервые в страну
Попытавшиеся стоя поднимать:
Это крепкая рука,
Это Степану плетна на верность,
Это крепкая рука.
Наша светлая Родина-мать.
Мы придём в коммунизм!
К величайшей, сияющей цели.
Все дороги лежат,
Все на свете дороги ведут:
Сердце в партней,
Мир в граде-мати,
Глаза на праотце,
Путь недолг, когда
Впереди коммунисты идут!

Ник. КЕМАРСКИЙ

«СТАЛИНГРАДСКАЯ БИТВА»

НА СЪЕМКАХ 2-Я СЕРИИ ФИЛЬМА

«Генерал армии А. М. Василевский зачитывает доклад о разработке генерального ставки плана разгрома немцев под Сталинградом. Политбюро ЦК ВКП(б) принимает решение о сроках решающего наступления».

— Мы начали контраступление в районе Сталинграда в ноябре, — говорит товарищ Сталин.

Этой замечательной сценой заканчивается первая серия художественно-документального фильма «Сталинградская битва».

И вот снова вспыхивают на экране кадры, которые переносят нас в незабываемые, наполненные напряжением, ожиданием и надеждающими события дня осени 1942 года.

На монументальных оборонных заводах, во всех уголках советской земли, самоотверженно трудаются создатели боевые машины, боеприпасов, вооружения.

И наконец наступает исторический день 19 ноября 1942 года. Грозной картикой небывалого по мощи артиллерийского наступления начинается рассказ о легендарном сражении, которое изменило весь ход войны советского народа с немецко-фашистскими захватчиками и знаменовало собой хватку хвалебной армии.

Так начинается вторая серия фильма «Сталинградская битва», постановка которой осуществляется съёмочной группой студии «Мосфильм» во главе с режиссёром-постановщиком лауреатом Сталинской премии В. М. Петровым.

— Наша работа над второй серией, — рассказывает Владимир Михайлович, — началась сейчас же, как только мы окончили необходимый нам монтаж первой серии. Мы не успели пропустить необходимое время зимнего отдыха и 14 января вышли на места съёмок. Правдивая работа была отнять самой сложной и трудной частью всего фильма. Мы должны были отнять все массовые сцены, показывающие сокрушительный удар советских войск по флангам немецкой группировки, воссоздать средствами кинематографического искусства величественную картину разгрома и явления гитлеровских полчищ осаждавших Сталинград. По своим масштабам эти съёмки превосходили все известные до сего времени съёмки батальных массовых сцен.

Огромный опыт, — продолжает режиссёр, — накопленный съёмочной группой (режиссёр, наставник оператора Ю. Евелькин, художник Л. Малашкин и другие) во время работы над первой серией фильма, помог нам пропустить эти сложнейшие массовые съёмки в самый кратчайший срок. Сейчас основная, натуральная часть фильма нами уже отснята.

...Вся сложность и необычайная трудоёмкость проделанной съёмочной группой Петрова работы познается хотя бы на примере съёмки одного кадра — прорыва немецкой линии обороны войсками Юго-Западного фронта.

Руководство группы было выбрано соответствующий натурный пейзаж. Затем началась подготовка избранный местности к съёмкам. Для этого было построено 120-метровая металлическая эстакада, поверх настила которой были уложены реальны дюнки кинокамериста. Установка на них аппарат, поставленный стала короной изображения пейзажа в соответствии с композицией и содержанием будущего кинокадра. Специальная группа сапёров отрыла окопы, поставила проволочные заграждения, распределила места закладки фигуров и дымовых шашек. Одновременно на поле была засеяна и расставлены разбитая военная техника, придавшая местности характерные черты одного из участков долгого и ожесточённого сражения.

Когда эти подготовительные работы были закончены и избранный местность принял вид действительного поля сражения, наступило время для организации самой съёмки.

В проведении её должно было участвовать 5 тысяч человек пехоты, 60 танков, 100 автомашин, 60 самолётов, 85 различного типа орудий. Уже одно перечисление всех этих сил даёт достаточное представление

Режиссёр-постановщик фильма лауреат Сталинской премии В. Петров просматривает съёмированные части фильма.

о тех трудностях, которые возникали перед постановщиками. Основная из трудностей заключалась в том, что вся эта масса техники и людей должна была двигаться и действовать с точностью часовиков механизмов. Это сравнение является почти буквальным, так как всё время съёмки, в течение которого должна была произойти разыгрываемая сцена, составляло всего-навсего... сорок секунд.

В эти сорок секунд аппарат должен был зафиксировать и атаку танков, проплывающих проволочных заграждений, и штурмовую окопов советской армии, поддернивающих наемные силы, и атаку самой пехоты. Единственным усложнением успешности всех съёмок было вопрос надежной и чёткой связи.

Были предприняты различные виды связи. Управление ими было сосредоточено около основной разведчикской плацдармы, с которой постановщики руководили съёмкой, 35 радиорации, 30 телефонных аппаратов, радиостанции, поддерживавшие связь с аэродромами и с самолётами в воздухе, ракетная сигнализация, дублировавшая основные команды — всё это преследовало одну цель: обеспечить чёткую и сплоченную взаимосвязь между всеми участниками съёмки.

...Когда вы будете смотреть вторую серию фильма и увидите, как из заснеженного окопа поднимется советский солдат и побежит вперёд, как помчаться в атаку танки, двинутые нескончаемыми поехточными цепями; как пронесутся над полем битвы стремительные самолёты и дым разрывов закроет весь горизонт, вспомните о том, какого труда, времени и вложений стоит добиться от мастеров-фотографов этого промышленного переда вами сорокасекундный кинофрагмент.

Во второй серии фильма «Сталинградская битва» будет показана реализация генерального ставки плана разгрома немецких полчищ под Сталинградом. Сейчас группа готовится к заключительным павильонным съёмкам: ставке Верховного командования Советской Армии исторический дом, где произошло подписание капитуляции немцев, зан Кремльского дворца.

Затем будет отнят последний, заключительный эпизод фильма — историческое выступление товарища Сталина на премье в честь участников переда фильма. Снова перед зрителем воскрадут незабываемые картины первого и второго сражения, подавленную ленинградского картины знамя фашистской армии, торжественное вступие в Кремль.

И как апофеоз всего фильма прозвучат проникновенные слова сталинской здравицы в честь великого русского народа:

...Доверие русского народа Советскому правительству оказалось той решавшей силой, которая обеспечила историческую победу над врагом человечества — над фашизмом.

Спасибо ему, русскому народу, за это доверие!

Этими замечательными словами товарища Сталина закончится волносащая киноповесть о великом подвиге советского народа, эпопея о Сталинградской битве.

Рабочий момент съёмки 2-й серии фильма «Сталинградская битва» Фото В. Трохачёва

...Впервые мы познакомились с ними в школьном саду. Несколько девушек с комсомольскими значками на форменных платьях энергично вскапывали влажную землю. Девушки работали дружно и весело, и видно было, что работа доставляет им удовольствие. Другая группа старшеклассниц нагружена автомобилем, убрала со спортивной площадки комини-травы, засеяла землю, тряпкой с рулевой в руках разбивали клубни, четвертые ставили сколы вновь высаженных деревьев аккуратные колья-подпорки. Красные галстуки пионерок мелькали повсюду. Шумными стайками окружали они своих вожаков, колошились вдоль газонов, ведущих к главному входу, укладывали из блоков кирпича покосы вокруг клуба.

И всей этой работой руководила невысокая девушка с простым русским лицом, спокойная, внимательная и приветливая.

— Шура Гуррова, член комитета комсомола и старшая пионервожатая школы — знакомит нас с нею секретаря комсомольской организации, ученица 8-го класса ёё Галина Германсон.

Шура Гуррова!.. Всем приятны её слова, которые она произнесла с трибуны XI съезда комсомола: «Это великое счастье — быть воспитателем талантливой советской детворы!» Так мог сказать лишь человек, для которого воспитание молодёжи стало главным и любимейшим делом.

Первое же, даже весьма краткое знакомство со всей деятельностию Гурровой подтверждает этот вывод.

Мы идём по коридорам школы, и Шура рассказывает нам о решениях комсомольского собрания, посвящённого итогам XI съезда:

— Нельзя сказать, что наша организация работала мало и безнадёжно. Но то, что нами было сделано, ещё очень далеко от полного использования всех возможностей, которыми мы обладаем. Мы должны построить свою работу так, чтобы учёба, приобретение знаний стали главной задачей каждой комсомольской школы.

А возможности для такой работы у комсомолок 602-й школы Тимирязевского района Москвы огромны. Педагогический коллектив школы, возглавляемый Евгением Львовной Щегловой, прилагает много усилий к тому, чтобы как можно полнее и ярко изложить учащимся каждый раздел учебной программы, сделать любой изучаемый предмет интересным. Успешному выполнению этой задачи во многом способствует широкая сеть самых разнообразных кружков, рабочих, которых возглавляются лучшими педагогами школы. Среди этих кружков наибольшей популярностью пользуются литературный, математический, физический и химический.

Литературный кружок, которым руководят заслуженный учитель А. Л. Савин, является немизенным устроителем всех литературных конференций и диспутов. Физический, руководимый Б. Ф. Майоровым, устраивает доклады членов кружка и демонстрирует созданные ими приборы. Другие кружки выпускают свои специальные газеты, где в живой и понятной форме излагаются результаты их работы.

Вот уже четвёртым год пионеры и комсомольцы шефствуют над детьми, родители которых или погибли во время Великой Отечественной войны или потеряли трудоспособность. Под руководством ветеранов-комсомольцев они помогают своим подшефным в учебе в быту.

Говоря об общественной деятельности комсомольцев, нельзя не упомянуть о многочисленных стендовых выставках о работе постиндустриального села, о цикле лекций по истории русского искусства, о массовых посещениях театров, о достижениях школьных физкультурников — словом, о тысяче всях тех больших и малых дел, из которых слагается жизнь советской школы.

У школьниц завязалась тесная дружба с комсомолками ткацкой фабрики имени Петра Алексеева.

Не так давно пионерки и комсомолки седьмых классов школы 602-й провели увлекательную работу по созданию истории комсомольской ткацкой фабрики. Они собрали десятки биографий, интересных фактов, фотографий. Этот материал послужил им основой для создания обширных стендов, которые рассказывали о лучших людях фабрического комсомола.

В свою очередь, ткачики рассказали о пионерских сборах о жизни и работе комсомола в первые годы его существования.

...Мы поговорили здесь часть того, что увидели и узнали о жизни этой школы.

Здесь любое дело служит воспитанию нового поколения молодых строителей коммунистического общества.

Н. НАДЕЖДИН

В ОДНОЙ ШКОЛЕ

Фото Г. Борисова

3

4

5

6

7

1

2

КОЛЕ

5

На снимках: 1. Дважды в месяц выходит 23 пионерских, одна общешкольная комсомольская и несколько юмористических стенных газет. Секретарь комитета ВЛКСМ Галина Германсон и председатель дружинки Люба Богданова просматривают вместе с членами комитета новый номер. 2. Сидят умельцы из кружка по изготовлению сувениров из дерева. Вокруг них — различные деревянные изделия. Выставка сувениров Александра Корольчика, Леды Зеленова и их подруги ознаменовала въезд посаженным деревьям. 3. Делегат XI съезда ВЛКСМ старшая пионерврачебная школа Шура Гуркова разговаривает с комсомоликами-учителями. 4. Руководитель математического кружка А. Г. Чечетмарова беседует с группой кружковцев — комсомоликами — Людой Глинной, Золей Синеголовой, Галей Шевцовой. 5. Преподаватель физкультуры Юрий Маркович Морозов проводит практическую работу с членами физкультурного кружка. 6. Комсомолка-стахановка тяжелой фабрики имени Петра Алексеева Ильинская Шергина работает на тяжелом станке. 7. Спортсмены школы не раз с успехом выступали на общественных состязаниях и занимали призовые места. После окончания занятий лучшие физкультурницы школы тренируются на школьной спортивплощадке.

Танец

Рассказ

Первой на поляну выбежала Клава и, широко взмахнув руками, упала на густую, ласковую траву.

— Ой, задохнулась! — опускались на колени рядом с ней смущённые, разумименные девушки. — Разве можно так?

— Можно, девчата, можно. Только так. Ведь радость какая! Ты понимаешь это, Жмурка? — и Клава завертела прижала к себе подругу.

То замеравший, то ускользающий смех был похож на всплески воды. На маленькой поляне, утопая в по-весеннему свежей траве, девушки резвились и шныкали, как малые дети.

— И вот через несколько лет возникают, скажем, обелиск с надписью: «Такого-то года, числа и месяца здесь отыскали все экзамены ученицы 10-го класса».

— Постой, мы уже не ученицы!

— А ниже высечено: «Прохожий, обнажи плечи».

— Хахаха! Но и выдумщица ты...

Девичий голос постепенно стал затихать. Клава лежала, захлопнув руки под голову, всматриваясь в ослепительно голубое небо. Оно казалось составленным из мельчайших мерцающих точек, и, наверное, поэтому было долго смотреть на него. Девушка закрыла глаза.

— О чём думаешь, Клава? — тихо спросила Шура, прозывная подругами Жмуркой.

Остальные девушки придинулись на ляжках поближе.

Издалека доносились гауховые удары. — Мост кончается! О чём думают? — Клава немного помочала, сорвала травинку: — О пушке я думала, девчата.

— О пушке? — удивилась Оля, и веснушчатое лицо её так вытянулось, что исчезли имяшки на щеках; другие девушки тоже разрешили заморгали глазами.

— Да... Смотрела я на небо и вдруг подумала: что, если изобразить такую пушку, которая дождь может вызвать? Выстроились ею — над колхозным полем ливень; повернёшь её — над огородами. Да, я не шучу! Чуть из девушек засорглась, она не много приподнялась. — Стрелять надо будет песком, который назлектизионирован. Каждая песчинка — заряд. Вокруг неё и будет скапливаться та влага, что в атмосфере. Получится дождь. Вот и всё.

— На инженера пойдёшь учиться? — с тайной гордостью за подругу спросила Шура.

— Не знаю, Жмурочка, не решала ещё. Я люблю простор. Цветы мне нравятся. А если какое дело по сердцу выберешь, так надо первым в нём быть. Бороться и люблю. Ветер дует — на встречу. Мороз — не боюсь.

— Сильная ты, — заметила подруга.

— Ты сильней, — взорвали Клава, и все засмеялись, глядя на крепкую, ладную фигуру Шуры.

Девушки разбрелись по лесу. Оля стала рвать цветы. Клава спустилась к реке и долго блуждала в дне, где шло строительство нового моста. Старый, выдержанный в войну тяжелую поступь «тридцати-

четвёрки» и артиллерии, уже пришёл в негодность.

— Андрюша-я-я — голос её понёсся по тихой водной глади; притащенный стук топоров продолжался. — Не слышит, — Клава нарывала огромных ромашек, сплела венок, потом написала что-то на оторванном кусочке бересты, всунула его в цветы. Раф! Венок покрутился немного у берега и медленно поплыл к мосту.

Через несколько минут донеслось прописное:

— Идите сю-да!

С огромными букетами, с венками девичьи компании двинулись по извилистой тропинке, точно повторявшей все речные изгибы...

Андрей Калачёв, молодой колхозный плотник, встретил пришедших весело и приветливо. Абстрактное движение он волзся топор в толстую связку, смазнул кашельки пота со лба.

— Давайте споём, девушки, что ли... — предложил он и, спрыгнув на берег, подошёл к старому, потрёпенному фальтуру, осторожно решил вынимать бани.

— Хороши работнички, пойте много, а мост всё не готов... — тряхнув космы, сердито проговорила Шура.

— Извиняется, Александра... хм, хмы... обделенный перерыв. Народ ушёл подзанавития. А песня, она не вредит.

Юноша присел на бревно, наклонил голову, словно прислушиваясь, проверяя адзы, и заиграл. Неторопливо, как текущая рядом река, помахав знаком русской мелодии. Её бережно подхватывали молодые голоса и перенесли через лес, через деревню, к широким просторам. Не грустной была эта песня, а скорей задумчивая. Казалось, девушки обдумывают свою жизнь, свои будущие планы, мечтают... Но минуту туча зацепила солнце, перерезала яркий луч. Потом опять стало светло. К мосту подходили колхозники. Песни зазывала громче, веселей. Вот банист разрезал меха и, ловко перебирал пальцами, извлекал последнюю из них.

— Андрюша, сыграй плясовую, знаешь, ту... — видруг попросила Клава, выходя на гладкую площадку у моста.

Девушки и пришедшие строители образовали широкий полукруг у реки.

Удивительно стройная, в чёрной широкой юбке, голубой кофточке с пёстрым плащом на шее, гладко причёсанная, Клава стояла посередине, окидала взглядом притихших зрителей, уставившись ритм мысли, раздумывая. Словно нехотя, сняла плащ, поставила ногу на багульник, махнула рукой, встремилась вся и пошла, поплывая... Сначала обмыкновенным шагом обшлась кругом, потом вернулась на середину и, приступив к туфелькам, размыла вдруг мелкой, неуловимой дробью. Абстрактное слачко пыль взмыло из под её ног. Банист даже вздрогнул и, шевельнув пальцами, поправил ремень.

Девушки быстрее кружились по утрамбованной плодородке. Красиво разводя руками, она как бы парила, не касаясь земли, если бы не чёткое приоткрытие кабулаками. Это был замечательный танец, танец молодости. В нём причудливо сплетались

элементы «Русской», вальса и художественной гимнастики. Клава Платонова создавала нашу современную радостную фантазию танца, фантазию жизнетвергающую, бодрую, солнечную. Она только начиналась, и видно было, что сама танцовщица считает всё показанное ей ничего не стоящим пустяком.

Девушки лукаво улыбались и, дойдя до Андрея, шепнула:

— Быстро, быстро!

Калачёв ускорял темп. Совсем неуловимо замелькали ноги, яркой бабочкой порхала пальчик. Закружилась, она винзесно скрещивала руки и застыла на долю секунды, как запечатленная на фотографии. Пронесясь мимо баниста, она бросала:

— Быстро, быстро!

Андрей уже не отставал глаза, стараясь только не отстать от предложенного темпа. Всё суетилось, он как бы сросся с инструментом, свесившийся чубок гармонии.

— Быстро! — шептала девушка в вихре пронеслась перед глазами.

Маленький круг расширялся, зрителям невольно отходили, когда Клава, взмахнув руками, как большая птица крыльями, откинула назад голову, кружилась, приседала и выпрямлялась, едва прикасаясь к земле. Лицо её разразилось, она уже не улыбалась, только яркой теплотой светились тёмные глаза. Пронесясь мимо Андрея, она задела его плащом и ещё раз как бы выдохнула:

— Быстро!

Вдруг, выбросив одну ногу, девушка сильно наклонилась вперёд. Ещё немножко — она, отворачиваясь от земли, упала бы в реку, нет, — ласточкой взмыла бы над водной гладью. Но в это время, в этот самый момент Калачёв сбился. Он пропустил несколько тактов, попытался догнать, вйти в ритм, но пальцы уже не повиновались ему.

И тут девушка снова улыбнулась. Без музыки она завертелась на одном месте, бросив плащ. Волосы удалились, раздувшись широким колоколом, шестлеста юбка.

— пятнадцать, шестнадцать, семнадцать... — кто-то шепотом пытался повторить.

— Довоально! — испуганно закричала Оля.

Все стали шумно аплодировать. Наконец она остановилась и застыла, заложив руки за спину, немнго нагнувшись вперед и слегка приоткрыла рот. Её горящий взгляд был направлен одновременно на каждого и на всех вместе. Крик и рукоплесканиям не было конца. Подсетившая Шура надела на погруду большой венок; Клава стояла с высоко поднятой головой, румяная, улыбающаяся, счастливая...

Через минуту на мосту уже громко стучали топоры, работа шла как быстрее и слаженнее, чем утром. Чистые, с закипевшей смолой щепки вихрем летели в воду, и река уносила вдаль эти белые, похожие на крылья чешки дерева. А солнце так же щедро дарило своим лучам вдохновенному труду, как только что освещало оно чудесное исполнение народного танца.

ШКОЛА МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Игорь Безродный.

Зал, где проходили Манеджаровский Фестиваль демократической молодёжи, был переполнен. Народы всего мира прислали слюда своих представителей. На сцене сидели почтительные гости из разных стран, боялись Простоенный востоком, задорно вздёрнутый наверху нос, густые, непонорные волосы, весёлые глаза. В зале было много иностранцев, и одного из них, Недоверчиво улыбающегося иностранного «ансамблю музыки»: уж слишком неподходящая наружность для его участия в пропаганде классиков! Американские журналисты подсчитали неевропейские сигареты, развернули блокноты... Танцов сила русской музыки. Танцы, дорога молодёжи к Солнцу. Танцы, привнесшие в мир тишину Игоря Безродного! Получил приз первой степени на Манеджаровском Фестивале демократической молодёжи, студент химической консерватории Безродный показал, что состоялся в Манеджаровском концерте имени Яны Кудашовой. Прекрасно!

Московская государственная консерватория — старейшая культура музыкальных мастеров страны — отметила в 1866 году 100-летие музыкальной класса Николая Григорьевича Рубинштейна. Одним из её организаторов был Пётр Ильин Чайковский. Тогда же на базе этого класса, любящего музыку и знания, началось преобразование этого гениального русского композитора.

Преобразование Чайковского сделано на основе его принципов: «Чтобы уделить плотину в них всё лучшее, самое благородное и вдохновенное». Отголоски Чайковского на дали и в дальнейшем развитии советского искусства. В своих постановках об славе «Линейной дружбы» Муздрама ЦК ВКП(б) поставили пьесу, которая стала настоящим символом, сохранять и укреплять традиции русской классической музыки.

Важное значение ЦК партии, консерватории привлекло и работе со студентами специальностей по русской классической музыке — профессором Ю. Шашиной, С. С. Богатыревой. Они передают античные традиции отечественной творческой элиты, стремятся сделать из высоконебразманных мастерами подлинного народного искусства.

— У нас около тысячи студентов, — говорит директор консерватории народный артист распутина Юрий Борисович Медведев. — У нас есть Александр Васильевич Свешников, — в честь его творческой и исполнительской статьи. И народный артист СССР Геннадий Белкин.

Для более плодотворной работы созданы кружки, в которых студенты выступают со своим творческим и научным опытом, делают концерты классиков. Часто на заседаниях творческих кружков приходят гости — воспитанники Московской музыкальной школы имени Гнесиных. Будущие музыканты помогают своим наставникам над собой, обменявшись опытом и знаниями, устраивая совместные концерты.

Воспитанники консерватории ещё вспоминают, ученых, которых на работе видели в зале концерта.

Советские люди любят творчество студента Молчанова. Особенно популярна его песня «Солдаты идут», написанная на слова студента Липецкой консерватории Юрия Медведева. Молодежь изложила вдохнуть в неё свой русское, отразить мысли и чувства советских солдат».

Правилает внимание творчество молодого композитора Сулжана Цинцадзе (класс профессо-

ре Богатырева), в котором переплетены грузинские и русские мотивы, отражающие нерушимую дружбу между народами.

Не случайно «Концерт для виолончели» и «Квартет» Сулжана Цинцадзе, канцата «Турманист» и другие произведения Кутаисского композитора вошли в репертуар самых различных ансамблей. Это произведения пронизаны горячей любовью к родине, стремлением к счастью, гордостью за свой народ.

Студенты консерватории не замыкаются в своих стенах. Тысячаминей они связаны с массами.

На столе секретаря комсомольской организации звонит телефон, Комсомольцы завода имени Сталина спешат в клуб, чтобы посетить прислать концертную brigadu: рабочие хотят послушать студентов.

— И вот у них группа воспитанников с нотами и музыкальными инструментами спешит в клуб.

Секретарь перебирает на столе папку рукописей. Этот тексты молодых поэтов — студентов Литературного института. Необходимо некоторые из них опубликовать в газете консерватории отдельно, положить на музыку.

В концерт беспрерывно заходит молодёжь. Здесь — юноши штаба, здесь — студенты Созида, здесь — лингвистические группы — докладываются дефицит с комсомольским значком на груди, — в программе «История русской классической музыки».

Прекрасно! Одну будите возглавлять вы, а другую — Романовская. В ухе уши большая очередь. Их неиссякаемо благодарности имеет за свою работу.

Лекции на предприятиях, сопровождающиеся исполнением произведений русских классиков, — центральная тема консерватории. Очень часто пополняются концертные программы музыку, но и помогают студентам крепче связаться с народом.

Воспитанники консерватории вязли шиффет на заводе имени Сталина, «Планеты 1905 года» и другие предприятия драматического театра.

Лекции на предприятиях, сопровождающиеся исполнением произведений русских классиков, — центральная тема консерватории. Очень часто пополняются концертные программы музыку, но и помогают студентам крепче связаться с народом.

Воспитанники консерватории вязли шиффет на заводе имени Сталина, «Планеты 1905 года» и другие предприятия драматического театра.

На малом зале доносятся гармоничные звуки виолончели. В первом зале лекции. В 9 часов утра на сцене во всех залах, здесь начинаются занятия по всем областям консерватории: хоровому искусству и другим общобразовательным предметам. Московская консерватория насчитывает 205 членов коллектива. Организации консерватории руководят многими коллектиками художественной самодеятельности столицы.

Среди них — певческий коллектив, венчаний этика, из Малого зала доносятся гармоничные звуки виолончели. В первом зале лекции. В 9 часов утра на сцене во всех залах, здесь начинаются занятия по всем областям консерватории: хоровому искусству и другим общобразовательным предметам. Московская консерватория насчитывает 205 членов коллектива. Организации консерватории руководят многими коллектиками художественной самодеятельности столицы.

С годами comes существо консерватория подтверждается в высоком мастерстве консерватории, мастеров музыкального искусства. Ода для ми- ру выдающихся деятелей, таких, как Сергей Рахманинов, Георгий Антонов, Михаил Бакшт, Лев Оборин, Ара Арменакян. Многие выпускники студий удостоены звания лауреата Стalinской премии, многие награждены орденами.

Недавно состоялся очередной выпуск. Молодые композиторы и исполнители вышли на самостоятельную жизнь. Многие из них получили места в симфониях, станут проводниками великих Большевистских идей. Многие студенты-дипломники уже приступили к работе в различные театры, филармонии и другие творческие коллективы страны.

Два стихотворения

МОЕ СЕРДЦЕ

Что в сердце у меня? Цветы родных садов
И влажный синий плеск большой морской
волны,
Вечерние огни советских городов,
Бескрайней поля, поля моей страны.

Когда фашистский враг нас с воздуха бомбил,
Я очреди слал по коршунам его,
Как окна городов, в те дни я затмил
Все тысячи огней у сердца моего.

Цветёт моя душа, как мирный белый сад.
Затих железный гул, погас огонь войны.
И в сердце у меня опять во-всю горят
Все тысячи огней дамы моей страны.

И домин и дома — вёсль возрождёт труд,
И сердце у меня наполнено трудом,
Как радостью полны те песни, что поют,
И как поля страны наполнены зерном.

Ликиющая песнь беспрерывного труда,
Как солнце, поднялась над утренней землёй
И озарила все сады, и города,
И все сердца людей страны моей родной.

ЯБЛОНЕВЫЙ САД

Яблони, яблони, яблони выстроились перед
нами,
Ветви их щедро украшены праздничными
цветами.

На нежное их цветение смотрю я
— влюбленным взглядом,
Словно невестами белыми, любуюсь я белым
садом.

Пойдём по саду, красавица, друг мой нежный
и милый,
Свою рукою, девушка, ты этот сад разбила.

Твою заботой и волею, любовью
и вдохновением,
Словно сияющим солнечным, наполнены чаша
цветенья.

Солнце цеует яблони блещущими лучами,
Яблони к солнцу тянутся белыми губами.

Несколько лет мне снилась в дымном огне
войны
Встреча в саду цветущем, встреча в саду
весны.

Яблони тонкостольные выстроились перед
нами,
Ветви их щедро украшены праздничными
цветами.

Сад ты разбила, девушка, яблони ты
взрастила,
Той же рукою, девушка, сердце мой разбила.

Перевод с армянского
Ярослав Смелёков.

Зарисовки П. Баранова
(Студия имени Грекова)

Одесса
Гурзуф

На озере Байкал. Рыбаки колхоза имени Кирова

Фото В. Гребенева

П лещет залитая солнцем гладь Финского залива.

Впереди на фоне голубого неба маячит чёрное громадное облако: это дымят трубы заводов. Запах заводского дыма доносится в море.

Постепенно вырисовывается золотая купола Исаакиевского собора. Здравствуй, долгожданная Родина! Четыре месяца я бороздил дальние моря, пыль под холодаными звездами, под чужим небом. Более ста дней я не видел тебя, родная сторона, не дышал твоим освежающим воздухом, но я всегда был с тобой, Родина, — нас соединяет всегда и всюду сердца, думы, мечты.

Я открыл свой дорожный блокнот. Пистолет, написанные страницы — это месяцы и 37 тысяч проходимых километров, это дальние города, белые и чёрные люди, заморские страны, оставшиеся далеко позади, за серой полосой горизонта.

В КОНСТАНЦЕ

Из Одессы наш пароход «Михаил Кутузов» направился в Констанцу. Последний раз мне довелось побывать в Констанце в 1938 году.

На этих же самых улицах суетились маклеры и спекулянты, в ресторанах называли прохожих девушками.

Сейчас этого нет. Не стало бездельников и кутил, исчезли «ресторанные барышни».

Конгломерат покупателя резко изменился, — говорили нам во многих магазинах.

Это не трудно заметить и самому: вот в магазинах остановилась крестьянская телега. Человек в бараньей шапке смело входил в помещение. Он покупает мануфактуру и обувь, продукты и домашнюю утварь. Сомнительные покупатели стали сейчас трусливыми — рабочие, крестьяне, служащие, ремесленники.

Вокзал. Согорела из Бразавила прибыла первая партия тракторов. Эти машины сделаны на румынском заводе, из румынских материалов, руками румын. Платформы с тракторами обступили крестьяне. Они, как будто, разглядывают крестьянский трактор, который обогнал их от других машин союза и превратил еще не тронутые бустири Румынии в плодородные земли.

«Хорона машина! — воскликнулся низенький человек в ложматой куртке и в латаной домотканной куртке, нежно поглядывая ширшавой рукой хлеборога железное колесо машины. — Хороша...

На первом полно парней, деревенских смуглых юношей. Согорела группа молодежи, уехавшая из Констанцы на город Краев поступать в недавно открывшийся университет. Все они дети простых рабочих, многие из них уже сами работали на заводах, в мастерских, и сейчас впервые перед ними открылись дороги к науке. Григорий Кореш имеет среднее образование. Раньше он работал кельнером в ресторане. После падения режима королевской он работал в лаборатории, несомненно, сейчас он едет учиться и хочет стать химиком. Анна Бозе — дочь заводского мастера. В конце войны ей отца замучили гитлеровцы за то, что он медлял с ремонтом немецких подводных лодок. Себас Ачина уезжает в университет с надеждой стать учителницей. Мать

Румыния. В порту г. Констанца.

И. ГАЙДАЕНКО

В ДАЛЕКИХ ГАВАНЯХ

(Из путевого блокнота)

Анина, пожилая, измученная женщина, смотрит на дочь и не может удержать слез. Анна успокаивает ее:

— Мама, яку чого ты плачешь? Радоваться надо...

— Плачу... Не верю, что дождались радости... Отет не дождалась.

На площади выставлено огромное панно. На нём изображены три женщины: студентка с книгой, крестьянка с серпом и работница с молотком. Они смотрят вдаль — в будущее. Панно символизирует великую перемену в судьбе румынской женщины, стала равноправной с мужчиной, гордой материальной рецензии.

Мы в порту. Трещат пневматические молотки. Ярко вспыхивают электросварки. На заводе достраиваются новые суда, гротохрут лебедки, суетятся катера, у причала грузятся и разгружаются суда под флагами разных стран. К дальнему прибывает советский лайнер «Транссибирь», в море ходят трехмачтовое судно «Мирный» бывшего королевского яхт-клуба, теперь на яхте морская школа. У входа в порт стоит эскизный миноносец. На нём реет флаг народной Республики.

— Тернер, ясно это наше, — говорит майор Бореску. — Оно будет нашим, пока светят солнце созидательного труда, дружбы народа, демократии, свободы и мира.

В ФРАНЦУЗСКОМ СОМАЛИ

Во время нашей стоянки в Джубе¹ мы посетили находящийся поблизости соляной промысел. Наше внимание привлекло густое проволочное заграждение.

— Что здесь добывают, золото? — Нет, — отвечает префект, — соль.

— А зачем же ограда?

¹ Центр и византийский порт французской колонии Сомали на крайнем восточном выступе Африки, на Бандар-Манделебского пролива.

— Для того, чтобы сюда не заходили посторонние, — не задумываясь, врёт нам префект.

На самом же деле это ограда для рабочих, работающих на промысле.

Да, здесь работают рабы. Нижу уровня окна раскинулась не большая песчаная долина. По камням, прорытым в почве, обширные, но мелкие водёмы поступают океаническая вода. Здесь она испаряется, а на дне водёма остаётся толстый слой белой соли. Сотни и сотни людей бродят по острым, как скелеты, солинам, острым камням, лопатами собирают соль и сносят её белым пирамидами.

Трудно назвать их людьми. Это высокие мумии, тени. Тонкие, как плети, руки, сухие, как щепки, ноги, маленькие, чуть побольше куклы, головы... Тело покрыто красными изъязвами, соль разделяет раны, струйки крови текут по телу и застаивают чёрными подтёками.

Люди не разговаривают между собой. Они тупо смотрят в землю. А иногда исподлобья взглянут на наследственных сородичей и попытаются вспорулить взор.

— Дикие люди, — с презрением роняет префект.

— Да, — вполголоса произносит кто-то из наших, — заставили бы тебя так жить и работать, какой бы ты стал?

Здесь же, на промыслах, из камня выложены что-то наподобие стен дома, только без окон и без крыши. Там, где каменные пирамиды живут рабы. Кто знает, чем их кормят? Префект уверен, что они едят даже сырую рыбу...

Люди здесь умирают каждый день, здесь их и хоронят, за проволочным заграждением.

Иногда новички учились прорывать под стены каменного ящика, распутывают колючую проволоку и бегут в горы. Они живут на деревьях, кормятся дичью и сами дичают. Они привыкли от беззлых варваров так, как

когда-то прятались их предки от зверей. Каждую неделю в горы и в заросли отправляется полицейская экспедиция. Пойманных сносят заточают в лагерь рабов.

На обратном пути мы побывали в одной из пещер, вырытых в почве на берегу. Здесь живут люди. Погорельцы пещеры горят костёр из сухого дерева, консервной банки, вариятся какие-то кашки. В углу забытая испугавшаяся насквозь девочка. Полуоголая холопка кладёт в ракушку нещенную рыбку — готовят обед. Пещерные люди. Но это не экскурсия в историю, это...

...На зелёных волнах покачиваеться французский крейсер, только что пришедший из Мадагаскара. Он там громил ветхим вооруженным рабом. Теперь он принял свою роль, и один из своих пулемётов напоминает туземца в гостях: это только этикет, а за ним есть слово «хозяин», у которого спацы и патроны, у которого с любовью и надеждой смотрят весь мир утешённых.

Костёр в пещере погас. Готов обед. И когда сны, едкий дым вышел из этой тесной дыры, в углу на стене мы увидели портрет И. В. Сталина, человека, на которого с любовью и надеждой смотрят весь мир утешённых.

БЛЮДОМЫ

В Альтверен мы прибыли ночью. Выспаться, однако, не удалось. На заре меня разбудила шума за вспышниками. К ванту врывались изненестройный гвалт мужских и женских голосов, детский плач и... кудахтанье кур, и пение петухов.

Да, поспешили на палубу. Было такое спасение! Вокруг подымалась дымка, дым кобры, дым мат и снастей, крики портовых мальчиков заслонили родившуюся солнце.

Баглунув вина, за борт судна, я увидел необычную картину. Наш пароход со всех сторон был окружён множеством барж. На палубах раздавались беды и готовили пищу женщины, играли дети. На многих баржах совсем по-дальнему бродили «сомброявившиеся» куры, зеленые маленькие огородные курицы.

— Мы не белоголовы, мы особая национальность — речинки, — говорят с горечью жители барж, — у нас даже земля соленая...

Тысячи семей белодомых птиц — первых мотористов, матросов и боцманов — проводят всю свою жизнь на баржах, кочуют с места на место по рекам и каналам и переносят грузы. А на берегу стоит пустынное село на лайдице: «Сады-Бартиары». Но может ли наименование рабов или спутников, если они стоят от 24 до 30 тысяч франков в год?

Жизнь на баржах в Бельгии — обычное явление. Нанимаясь на баржу, шкипер или моторист получает «квартиру». За это хозяин удерживает у работника треть жалованья. Зачастую жёны и дети рабочих выполняют на баржах работы: моят палубу, полощут швартовые тросы, приводят в порядок рулем. Нечего и говорить, что дети, живущие в таких условиях, никогда не учатся. Вырастая, они становятся опытными речниками, но на всю жизнь остаются неграмотными.

Я побывал на одной из барж. Называлась она «Вилли и Анни». Это имена её молодых обитателей. Вилли — 28 лет, Анни — 22 года. Они и родились на баржах: он —

ПЕСНЯ МЕЧТАТЕЛЕЙ

Слова В. Бахнова, Я. Костюковского

Музыка А. Цфасмана

В темпе марша быстротempo

ИДЕЯ И МИР НА ОДНОМ ТЫНЦЕ.
ИДЕЯ И МИР НА ОДНОМ ТЫНЦЕ.
ИДЕЯ И МИР НА ОДНОМ ТЫНЦЕ.
ИДЕЯ И МИР НА ОДНОМ ТЫНЦЕ.

С ЛЮДЬМИ

СОЛНЦЕ И МОИ ЧУДНЫЕ ПРИЧИСЛЫ.
СОЛНЦЕ И МОИ ЧУДНЫЕ ПРИЧИСЛЫ.
СОЛНЦЕ И МОИ ЧУДНЫЕ ПРИЧИСЛЫ.
СОЛНЦЕ И МОИ ЧУДНЫЕ ПРИЧИСЛЫ.

ЧТО ЧТО МИ ДЛЯ НАШИХ ДОБРОХ СДЕЛАЛИ?
ЧТО ЧТО МИ ДЛЯ НАШИХ ДОБРОХ СДЕЛАЛИ?
ЧТО ЧТО МИ ДЛЯ НАШИХ ДОБРОХ СДЕЛАЛИ?

У ТОРЖКА

На пути к торжеству не боясь преград и злаков.
На пути к торжеству не боясь преград и злаков.

ПРИПЕВ:

Над страной
Песни соловьев льются,
Над страной,
И легки и ясны
Прорывы соловьиного,
Святой сказочно
Молодая весна,
И зори вспыхнули огнями новостроек
И взвихных пылью костры.
Мы, товарищи
Родину нашу
Создаем вместе
Мечты! —
ПРИПЕВ:

Молохость шумная
Весело трудится,
Стыд мечты нес,
То, что мы хотим,
Всё в жизни сбудется,
Всё придёт, друзья!

Мы в работе
Проворные, задорные, упорные,
И смеющиеся,
Нам преграды — не беда:
Пятышками звезды
Горят впереди.

И в степях
Вырастают заводы,
И сады
В заполярье цветут.
Заполярье — розовинки
Дружбы с песнями
Украшает наш труд.
Мы хотим, чтоб земля богаты,

Мы хотим, чтоб легка и ясна
От Кремля
Проводы в планете
В солнечном свете
Весна.

ПРИПЕВ.